

Манасейна Наталия Ивановна

Рассказы для детей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н33

Н33 **Наталья Ивановна М.**
Рассказы для детей / Манасеина Наталья Ивановна – М.: Книга по Требованию, 2023. –
198 с.

ISBN 978-5-519-95287-3

ISBN 978-5-519-95287-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

то ея ноги свѣшивались внизъ. Кромѣ того, мать во снѣ часто толкала дѣвочку ногами, но особенно доставалось ей отъ брата. Петька постоянно умудрялся сползати съ подушки, и ноги его часто залѣзали въ лицо сестренкѣ.

Настюшкина мать поднималась около шести часовъ; она работала на фабрикѣ и должна была поспѣвать на работу къ семи часамъ. Быстро одѣвшись, поднимала она и мальчика, котораго заносила въ ясли, гдѣ онъ и оставался до вечера.

И вотъ, послѣ ухода матери, сонная дѣвочка перебиралась на середину кровати и, торопливо натянувъ на себя всѣ ночныя покрыва, сладко засыпала часовъ до семи.

Спать одной на кровати было очень пріятно, но еще пріятнѣе было, проснувшись, немного понѣжиться.

И дѣвочка нѣжилась: то вытягивалась во всю длину, то свертывалась въ комочекъ и, точно пригрѣвшійся котенокъ, шурила еще сонные глаза.

— Настюшка, да ты никакъ все еще валяешься!—кликнула ее квартирная хозяйка, проходившая съ ведромъ и мочалкой въ сосѣднюю комнату.—Смотри, въ школу опоздаешь!

Опаздывать въ школу Настюшка не имѣла никакого желанія. Она выпалась, вдоволь повалялась на постели, и теперь ей вдругъ захотѣлось стать совсѣмъ исправной школьницей, или „хорошей дѣвочкой“, какъ говорила учительница.

Въ школу Настюшка ходила уже три мѣсяца. Читала она плохо, писала еще того хуже, но за то очень много вытерпѣла за вѣчное опаздываніе и неряшливый видъ. Бранила учительница, подтрунивали дѣвочки. Особенно сильно доставалось Настюшкѣ отъ одной изъ нихъ. Толстая румяная дочка лавочника прохода ей не давала. Ну, да и Настюшка въ долгу не оставалась. Терпѣла, терпѣла, а потомъ, какъ куснетъ обидчицу своими острыми мышиными зубенками! Въ кружкѣ онѣ тогда стояли и пѣсни пѣли...

Ну, конечно, шумъ поднялся. Лавочница разревѣлась, жаловаться побѣжала. Учительница забранилась, дѣвочки расшумѣлись, какъ воробыи на заборѣ. Попало тогда Настюшкѣ, но лавочница струсила и оставила ее въ покоѣ.

Подвязывая довольно грязную бумазейную юбку, Настюшка даже улыбнулась при этомъ воспоминаніи.

Потомъ, въ одной юбкѣ, она босыми ногами зашлепала въ кухню.

Тамъ, въ углу стояла кадка съ водой. Настюшка зачерпнула полный ковшикъ и, набравъ воды въ ротъ, стала поливать подставленные руки, держа ихъ надъ грязнымъ ведромъ.

Руки были грязныя и отмывались плохо. Настюшка

подняла голову и обвела глазами всѣ мѣста, на которыхъ только можно было предположить присутствіе мыла, но нигдѣ не было ни обмылочка. У тетеньки, т. е. у квартирной хозяйки, просить было бесполезно. Мать задолжала ей за уголь, и Настюшка не сомнѣвалась, что получить отказъ.

Приходилось обойтись безъ мыла. Настюшка не имѣла обыкновенія тратить особенно много воды на свое умыванье, но сегодня ей хотѣлось вымыться почище, и она зачерпнула второй ковшикъ.

— Экъ, воды-то наплескала!—раздался за ея спиной негодующій возгласъ.

Настюшка отняла руки отъ мокраго лица. Передъ ней стояла тетенька въ подоткнутой юбкѣ.

— Ишь, неряха противная!—замахнулась тетенька на дѣвочку грязной мочалкой.

Настюшка пустилась бѣжать изъ кухни. Добѣжавъ до своей кровати и увѣрившись, что погони на этотъ разъ нѣтъ, она стала вытирать мокрое лицо и руки подоломъ бумазейной юбки, а затѣмъ принялась что-то усердно искать подъ матрацемъ.

Поиски увѣнчались успѣхомъ, и въ рукахъ Настюшки очутился обломокъ заслуженной гребенки, и его четыре уцѣлѣвшіе зубца заходили по жидкимъ и прямымъ волосамъ дѣвочки.

Когда волосы были расчесаны, Настюшка стала ихъ плести въ косу.

Захвативъ въ одну руку желтые волосы, дѣвочка принялась ихъ усердно закручивать пальцами другой руки. Старалась она ужасно, выгибалась всѣмъ тѣломъ, а подъ конецъ даже языкъ высунула, но косенка все-таки вышла довольно неудачная. Вся она была какая-то кривая и пресмѣшно загибалась кверху, перевязанная на концѣ веревочкой.

Прическа была безспорно самой трудной частью туалета Настюшки. Она даже немного устала и вздохнула съ облегченіемъ, когда покончила съ волосами.

Затѣмъ она накинула сильно помявшееся, но довольно чистое ситцевое платье. Платье подарила ей

барышня, жившая съ нею въ одномъ домѣ. Барышня была старше Настюшки, и платье пришлось подшить; подшивала сама Настюшка и подшила такъ неровно, что оно спускалось на ноги какими то фестонами. Фасонъ платья былъ довольно замысловатый, застегивалось оно назади, и Настюшкѣ удалось застегнуть только двѣ нижнія пуговицы, выше руки не хватало, и платье осталось разстегнутымъ.

Когда платье было надѣто, дѣвочка вытащила изъ-подъ матраца чулки. Подвязала она ихъ веревочками, потомъ полѣзла подъ кровать и вытащила оттуда башмаки. Башмаки были старые, со стоптанными каблуками и лопнувшей резинкой, на одномъ изъ нихъ была, кромѣ того, огромная дырка. Настюшка долго провозилась съ башмаками, надѣвала разорванный башмакъ то на одну, то на другую ногу, но, убѣдившись, что все выходитъ одинаково плохо, быстро обулась и принялась завязывать книжки и грифельную доску въ красный ситцевый платокъ. Потомъ изъ-подъ тряпья она вытащила драповое пальто, которымъ прикрывалась ночью, и желтый ситцевый платокъ. Надѣла пальто, обвязала голову платкомъ и, захвативъ узелокъ, направилась къ дверямъ.

У дверей Настюшка вспомнила, что постель осталась неприбранной, и быстро повернула назадъ.

Въ одну минуту тряпье было кое-какъ скатано и засунуто подъ подушку. Ни простынокъ, ни одѣяла у Настюшкиной матери не было, и матрацъ оставался на день ничѣмъ не прикрытымъ.

Когда Настюшка вышла на улицу, было почти свѣтло. Туманъ разсѣялся, и утро было морозное, но ясное. Настюшка шла, не торопясь, съ наслажденіемъ вдыхая свѣжій морозный воздухъ и съ любопытствомъ глазѣя по сторонамъ.

Школа помѣщалась черезъ три улицы отъ того дома, гдѣ жила Настюшка.

Когда шелъ дождь или было очень холодно, дѣвочка стрѣлой неслась въ школу, но сегодня погода была прекрасная, и ей хотѣлось насладиться прогулкой. Чаю она еще не пила. Мать пила чай на фабрикѣ, брата поили въ ясляхъ, а

Настюшку, когда она забиралась въ школу спозаранку, поила иногда чаемъ школьная кухарка Марья. Настюшкѣ вдругъ захотѣлось горячаго, и она прибавила шагу, надѣясь застать Марью еще за чаемъ, но на улицѣ было такъ интересно, что она рѣшила пожертвовать чаемъ.

Передъ окномъ булочной Настюшка задержалась особенно долго. Разложенныя на подоконникѣ подрумяненные и обсыпанныя сахаромъ плюшки были такъ великолѣпны, что отъ нихъ было трудно отвести глаза. Настюшка даже свой красный узелокъ чуть не выпустила, любуясь ими.

На углу у мелочной лавки она тоже остановилась и долго смотрѣла на голубей, клевавшихъ насыпанный для нихъ овесъ. Одного изъ нихъ, хромого и жалкаго на видъ, другіе, здоровые и болѣе бойкіе, совсѣмъ оттѣснили назадъ. Настюшка не могла удержаться, чтобы не вступить за обиженнаго: подошла къ самой стаѣ и махнула надъ ней краснымъ узелкомъ. Голуби шумно взмахнули крыльями и взлетѣли вверхъ. Въ дверяхъ лавки показался лавочникъ.

— Ишь, озорная! Божью птицу распугала! Проходи! — сурово прикрикнулъ онъ на дѣвочку.

Настюшка не оправдывалась. Виноватой она себя не чувствовала, но привыкла, что ей попадало часто понапрасну, и относилась къ этому довольно равнодушно.

Прибавивъ шагу, отправилась дѣвочка дальше.

Прямо передъ ней, переваливаясь съ ноги на ногу, шла толстая кухарка съ корзинкой, наполненной всевозможной провизіей; на самомъ верху лежалъ пучокъ чудесной моркови, и одна морковка, необыкновенно толстая и по виду удивительно сочная, совсѣмъ свѣсилась на бокъ и, казалось, готова была упасть. Настюшка глазъ не спускала съ корзинки. Взять морковку и задать тягу было очень легко. Кухарка при своей толщинѣ не могла ее догнать. Настюшка даже руку протянула къ корзинкѣ, но тотчасъ же отдернула ее назадъ. Изъ-за одной морковки, положительно, не стоило

измѣнять своему рѣшенію, быть „хорошей дѣвочкой“. И, чтобы не поддаться искушенію, она даже перебѣжала на другую сторону улицы.

Напротивъ того дома, въ которомъ помѣщалась школа для дѣвочекъ, стоялъ домъ, въ которомъ была школа для мальчиковъ. Настюшка подошла къ школѣ для мальчиковъ и остановилась на тротуарѣ, пережидая конку, чтобы перейти улицу.

— Вотъ, вотъ подходитъ! Уже совсѣмъ близко! Какъ подойдетъ къ воротамъ, мы и выскочимъ.. Ты ему шапку на глаза, а я тузить примусь! — раздался за спиной дѣвочки чей-то таинственный шопотъ.

Она оглянулась.

Въ темномъ проходѣ подъ воротами стояли два мальчика, по виду два школьника, и съ осторожностью выглядывали на улицу, очевидно, подстерегая кого-то.

Настюшка посмотрѣла туда же, куда смотрѣли они, и увидѣла мальчика лѣтъ восьми, спокойно приближавшагося къ мѣсту засады.

Ничего не подозревая, съ сумкой, перекинутой черезъ плечо, онъ шелъ, весело посвистывая и поглядывая по сторонамъ.

Опытная въ уличныхъ дракахъ Настюшка мигомъ сообразила всю величину грозившей ему опасности.

Мальчикъ былъ слабенькій, тѣ двое были куда больше и крѣпче его.

— Берегись!—вдругъ крикнула она.

Мальчикъ вздрогнулъ и остановился. Два мальчика выскочили изъ-подъ воротъ, но тотъ, кого они подстерегали, былъ уже далеко. На тротуарѣ стояла одна Настюшка, немного оторопѣвшая отъ собственной выходки.

Разсерженные мальчики, не долго думая, набросились на дѣвочку. Одинъ сдернулъ у нея съ головы платокъ, другой далъ ей здороваго тумака. Настюшка не имѣла привычки въ подобныхъ случаяхъ оставаться въ долгу: она завизжала и

храбро налетѣла на мальчиковъ, размахивая плотно сжатымъ кулакомъ.

— А, вы никакъ драться!—вдругъ раздалось надъ самымъ ея ухомъ. Мальчики бросились бѣжать. Настюшка подняла голову. Передъ ней стоялъ дворникъ съ метлой и, укоризненно покачивая головой, съ насмѣшливой улыбкой оглядывалъ растрепанную дѣвочку съ краснымъ возбужденнымъ лицомъ и блестящими отъ злости глазами.

— А еще дѣвочка, въ школу ходитъ, грамотѣ учится!—стыдилъ дворникъ.

Настюшкѣ было очень неловко, она нахмурилась еще больше и, стараясь не смотрѣть на дворника, подняла оброненный въ битвѣ узелокъ съ книгами и поплелась черезъ улицу, поправляя на ходу сбившійся платокъ.

У самыхъ воротъ столкнулась она съ лавочницей.

— Видѣла или нѣтъ?—раздумывала Настюшка, поднимаясь за быстро прошмыгнувшей мимо нея дѣвочкой по лѣстницѣ на самый верхъ.

Въ кухнѣ, въ которой дѣвочки оставляли верхнее платье, уже никого не было, и только одинъ Настюшкинъ крючокъ оставался пустымъ.

— Живѣй раздѣвайся, не то опять опоздаешь!—торопила ее Марья, помогая повѣсить пальто на вѣшалку.

Въ классѣ всѣ дѣвочки уже стояли въ ожиданіи молитвы.

— Опять опаздываешь!—строго сказала учительница, оглянувшись на стукъ затворяемой дѣвочкой двери.

Запѣли молитву.

Настюшка подпѣвала, широко раздѣвая ротъ, но молиться не могла. Мысль о томъ, видѣла или не видѣла лавочница потасовку на улицѣ, сильно ее тревожила.

Кончилась молитва. Учительница пошла между скамейками, осматривая платье, волосы и руки дѣвочекъ.

— Ты опять забыла причесаться, Савина!—сказала она, останавливаясь передъ Настюшкой.

Настюшка собиралась возражать, но, проведя рукой по волосамъ, сообразила, что это бесполезно. Отъ косы не оставалось и слѣда, веревочка развязалась, и растрепанные во время драки волосы торчали во всѣ стороны.

Начался урокъ.

Учительница занималась со старшими, а младшимъ велѣла списывать съ книги.

Настюшка развязала узелокъ, вытащила доску и замерла на мѣстѣ: вдоль всей доски шли глубокія сѣрыя трещины.

— Вѣрно разбилась, когда я на улицѣ узелокъ уронила, или мальчики ногами раздавили, — соображала Настюшка, принимаясь за списыванье и утѣшаясь мыслью, что учительница ничего не замѣтитъ, если доска будетъ записана.

Писала на этотъ разъ Настюшка такъ усердно, что у нея затекли пальцы, и обломился кончикъ грифеля. Подняла голову и встрѣтилась глазами съ насмѣшливо улыбавшейся лавочницей.

— Знаетъ!—разомъ рѣшила Настюшка, и на душѣ у ней стало совсѣмъ нехорошо.

— Что же ты копаешься, Савина?—спросила учительница, наклоняясь къ дѣвочкѣ и заглядывая въ ея доску.—Да у тебя доска расколота! Расскажи-ка мнѣ, какъ это случилось?—строго спросила она, беря въ руки разбитую доску.

Настюшка медленно поднялась со скамейки. Голову она опустила такъ низко, что лица ея почти не было видно.

Въ классѣ стало удивительно тихо. Настюшка, хотя и не видѣла, но хорошо знала, что всѣ дѣвочки смотрятъ на нее и вмѣстѣ съ учительницею ждутъ отвѣта.

— Какъ же это случилось?—повторила еще строже свой вопросъ учительница.

Настюшка еще ниже опустила голову. Она упорно молчала и только громко сопѣла, выводя пальцемъ какіе-то узоры на черной доскѣ класснаго стола.

— Разбила, ну и разбила! Пускай наказываетъ, а ужъ правды ни за что не скажу!—проносилось въ ея головѣ.

— Она, Марія Михайловна, съ мальчишками на улицѣ разодралась!—вдругъ среди общаго молчанія раздалось съ задней скамейки.

И Настюшка, и учительница, и всѣ дѣвочки разомъ обернулись туда.

— Да, ихъ дворникъ метлой разгонялъ!—съ злорадствомъ сообщалъ Настюшкинъ врагъ—толстая лавочница.— Ужъ онъ стыдилъ, стыдилъ ее.. Въ школу, говоритъ, ходишь...

О, какъ ненавидѣла въ эту минуту Настюшка румяную дѣвочку! Она даже кулаки сжала, но дѣлать было нечего, приходилось стерпѣть.

— Такъ вотъ ты какъ! Опять за прежнее! Уличной дѣвченкой быть захотѣла. А я-то думала, что ты исправилась, надѣялась, что ты хорошей дѣвочкой будешь...—говорила учительница.

Настюшка не выдержала. Слова „хорошая дѣвочка“ показались ей особенно горькими, и она разревѣлась на весь классъ.

Изъ класса ее выслали, чтобы другимъ заниматься не мѣшала.

— Возвращайся, когда перестанешь плакать!—сказала ей вслѣдъ учительница.

— Ну, что? Никакъ опять отличилась?—спросила Марья, когда плачущая дѣвочка вошла въ кухню, закрывая лицо руками.

Въ классъ возвращаться не пришлось. Урокъ кончился, наступила переменъ, и дѣвочки вышли въ рекреационную комнату, а Настюшка усѣлась въ темномъ проходѣ между кухней и классомъ. Ей было холодно, и она съ наслажденіемъ грѣла спину у теплой стѣнки печки, выходившей сюда изъ комнаты.

На душѣ у нея было нехорошо, а въ желудкѣ она чув-